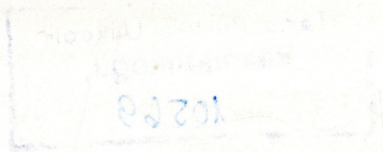

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ РОЗБЕРГЪ.

Нос, ne nescius esset hospes

Inscrip. lapid.

А.Р.

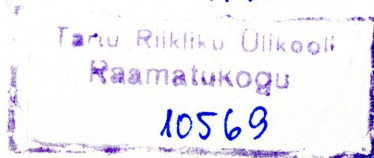
ДЕРПТЪ.

Въ Типографіи Г. Лаакманна.

1873.

Дозволено цензурою. Дерптъ, 27. Декабря 1872 г.

81. А

ЛЕНИН

1872

Посвящается
бывшимъ сослуживцамъ покойнаго.

Слишкомъ за полтора года тому назадъ скончался въ Дерптѣ, вслѣдствіе продолжительной и тяжелой болѣзни, одинъ изъ особенно замѣчательныхъ, на скромномъ поприщѣ своемъ, дѣятелей по части усвоенія Русскаго языка учебными заведеніями Остзейскаго края, Ал. Петр. Розбергъ, въ послѣднее время Инспекторъ Дерптскаго Ветеринарнаго Института. Онъ родился въ Москвѣ, весною 1815го года и получилъ основательное, во многихъ отношеніяхъ, домашнее образованіе. Проводя постоянно, отъ самой колыбели, вмѣстѣ съ семействомъ, лучшее время года въ сельскихъ окрестностяхъ столицы, преимущественно въ Измаиловѣ и въ усадьбахъ у разныхъ знакомыхъ помѣщиковъ, Ал. Петр. имѣлъ очень часто возможность сближаться съ простыми людьми, заходилъ въ жилища ихъ, говорилъ съ ними, вслушивался въ ихъ рассказы, прибаутки, игралъ съ крестьянскими мальчиками и рано, почти безсознательно, пріобрѣлъ настроеніе истинно народно-русское; потѣмъ, съ любовію, внимательно вникая въ нравы, повѣрья, привычки, странности, непохвальные и добрые качества нашихъ низшихъ и среднихъ сословій, воспроизводилъ все это лицедѣйственно съ такой точностію, съ такимъ совершенствомъ, что, конечно, сдѣлался бы виднымъ актеромъ, если бы захотѣлъ посвятить себя сценическому искусству. Онъ умѣлъ до изумительной

степени подробно и пристально вдумываться въ свое-
образность самыхъ различныхъ особъ: — молодыхъ, ста-
рыхъ, мужчинъ, женщинъ, — все равно; подмѣчалъ едва
уловимые оттѣнки въ чертахъ ихъ лицъ, тѣлдвижені-
яхъ, голосѣ; усвоивалъ постороннюю точку зрѣнія на
предметы, посторонній способъ выражаться, поддѣлыва-
ясь обаятельно подъ свойства наиболѣе противоположныя,
такъ, что по нѣскольку часовъ сряду могъ, безъ принуж-
денія, совершенно естественно, отрѣшиться вполнѣ отъ
себя самага, размышлять и говорить какъ другой чело-
вѣкъ; даже собственное его лицо принимало иногда выра-
женіемъ разительное сходство съ представляемымъ. Часто
зрители и слушатели падали со смѣху, а неподражаемый
подражатель оставался невозмутимо спокойнымъ; никогда
не примѣшивалъ онъ притомъ къ шуткѣ чего-либо горькаго,
или оскорбительнаго: лишь выдающаяся странность, въ
какомъ-бы видѣ она ни являлась, не ускользала отъ его
глубоко-проницательнаго взгляда. Люди, служившіе ему
образцами, нерѣдко сами очень забавлялись, смотря на
свое отраженіе въ живомъ зеркалѣ. Одаренный тонкимъ
музыкальнымъ чутьемъ, вѣрнымъ слухомъ и хорошимъ
голосомъ, онъ охотно пѣвалъ старинныя и новыя русскія
пѣсни, вторя ихъ звукамъ звуками гитары, или фортепіано;
на сказки же, пословицы, поговорки былъ въ прямомъ смыслѣ
неистощимъ. Не разъ, по какимъ-либо случаямъ, удачно
составлялъ, въ юмористическомъ родѣ, небольшія драма-
тическія піесы, которыя разыгрывались въ пріятельскомъ
кругѣ и мѣтками, остроумными намеками на слабости, на
неловкія выходки данныхъ личностей, тѣшили зрителей,
а между тѣмъ самому сочинителю, сохранявшему при
подобныхъ представленіяхъ невозмутимую серьезность,

тогда едва минуло четырнадцать лѣтъ! Ал. Петр-ча приглашали наперерывъ въ домъ, находившіеся въ связи съ его обстановкой, какъ занимательнаго, чисто на русскій ладъ веселаго собесѣдника.

Съ такими-то задатками и при такихъ то условіяхъ, судьба занесла его осенью 1836го г. въ Дерптъ, куда онъ отправился провожать старшаго брата, назначеннаго тогда Профессоромъ въ Дерптскій Университетъ, желая между тѣмъ взглянуть кстати на главные города Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи: — Ригу, Юрьевъ, Ревель, Митаву, а послѣ возвратиться во-свояси; — но вышло иначе. Когда, мѣсяца черезъ три послѣ того, именно въ Декабрѣ, появились Высочайшія повелѣнія объ усиленіи обученія Русскому языку въ заведеніяхъ Дерптскаго Округа, Ал. Петр. рѣшился подвергнуться соотвѣтственному испытанію, выдержалъ весьма хорошо экзаменъ на званіе преподавателя упомянутой части для начальныхъ гимназическихъ классовъ и опредѣлился въ Дерптское Уѣздное училище, довольно значительное заведеніе, едва ли въ ту пору не лучшее подобнаго рода въ Россіи, мало чѣмъ уступавшее любому изъ нашихъ среднихъ заведеній. Онъ поступилъ такъ не по вещественной надобности, ибо былъ достаточно обезпеченъ, но единственно по стремленію — принести посильную пользу; кромѣ того, легко могъ-бы получить, если-бъ только хотѣлъ похлопотать, высшую, гораздо болѣе выгодную должность. — Тамъ, равно какъ въ Гимназіи, довольно долго находился помощникомъ и товарищемъ его нынѣ Сенаторъ, Попечитель Варшавскаго учебнаго Округа, *Θ. Θ. Витте*, назначенный сюда изъ Главнаго Педагогическаго Института. Еще прежде явился сюда преподавателемъ

П. И. Прейс, извѣстный славо-филологъ, изъ С.Петербургскаго Университета, гдѣ послѣ сталъ профессоромъ; *П. Д. Аменицкій*, *А. С. Жиряевъ* (въ послѣдствіи профессоръ Русскаго права) и *И. М. Николчъ*, (теперь Помощникъ Дерптскаго Попеч.), — оба послѣдніе въ качествѣ Старшихъ Учителей, прибыли въ Дерптъ также изъ означеннаго Института. Эти лица, движимыя рвеніемъ, скажу болѣе, даже страстію: — во-чтѣ-бы-то-ни-стало возбудить сочувствіе къ предмету, прежде находившемуся въ совершенномъ пренебреженіи, заброшенному, — превозмогая неусыпными стараніями всѣ препятствія, воодушевили собственнымъ примѣромъ своихъ питомцевъ, передавали взаимно другъ другу замѣчанія и наблюденія, выводили изъ нихъ общія соображенія, придумывали удобнѣйшіе способы изложенія, принаравливали упражненія къ мѣрѣ познаній и, зрѣло обдуманнми, постоянными усиліями быстро достигли столь отличной степени свѣдѣній по Русскому языку въ здѣшнихъ училищахъ, что тогдашній Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ *Уваровъ*, посѣтившій Остзейскій край полтора года спустя послѣ начала помянутаго преобразования, изумился неожиданнымъ успѣхамъ, далеко превосшедшимъ, какъ самъ онъ выразился, самыя смѣлыя его ожиданія и надежды. Честь и громкое спасибо ревностнымъ труженикамъ, которые, не раздѣляя мнѣнія, не стоящаго, впрочемъ, опроверженія, но здѣсь теперь иными, словно насмѣхъ, повторяемаго, что русскій языкъ русскому подданному вовсе не нуженъ, даже, пожалуй, вреденъ, между тѣмъ какъ тѣ-же люди убѣждены, что англійскій необходимъ для англійскаго подданнаго, французскій для французскаго, нѣмецкій для нѣмецкаго; — спасибо тѣмъ, говоримъ, которые

внезапнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ связнымъ, стройнымъ порывомъ, не щадя себя, не взирая на невзгоды, вознесли въ короткій срокъ свою часть на такую высоту, на какой она никогда еще не стояла! Память ихъ сохранится въ признательныхъ сердцахъ ихъ многочисленныхъ учениковъ и долго не забудется преданіями загадочныхъ судебъ Русскаго языка въ областяхъ Прибалтійскихъ....

Словно согласившись между собою, Русскіе учителя, въ главныхъ, и даже нѣсколькихъ небольшихъ Остзейскихъ городахъ: — сперва, *Н. О. Чашниковъ*, *К. А. Александровъ*, *И. В. Давиденковъ*, *Ө. В. Голотузовъ* въ Митавѣ; *Я. М. Невпровъ* *) (нынѣ Попечитель Кавказскаго Учебнаго Округа), будучи Инспекторомъ Гимназій, и *С. Н. Шафрановъ* — въ Ригѣ; *К. И. Миллеръ*, *А. К. Серно-Соловьевичъ* (впослѣдствіи Помощникъ Попечителей Виленскаго и Санктпетербургскаго Учебныхъ Округовъ), затѣмъ *А. П. Гомбурицовъ* (теперь Директоръ Александровской Рижской Гимназій), *И. П. Пилеманъ*, *К. Г. Инацкусъ* и *В. Т. Благовѣщенскій*, изъ Московскаго Университета, (прежде Инспекторъ Рижской Гимназій, затѣмъ Отдѣльный Цензоръ) — въ Ревелѣ; *Г. И. Скоробогатовъ* въ Перновѣ; *Н. В. Варадиновъ* (нынѣ Членъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ) и *Г. Д. Клеменсъ* въ Аренсбургѣ, на островѣ Эзелѣ, второй сначала въ Везенбергѣ, послѣ въ Дерптской учительской семинаріи; позже, наконецъ, гораздо спустя, *Ө. П. Невдачинъ*, въ Дерптской Гимназій: — всѣ вмѣстѣ взаимно соревновали другъ другу, не отставая отъ товарищей и внушая воспитанникамъ своимъ прилежаніе къ занятіямъ, возбуждавшимъ дотолѣ лишь одно сопротивленіе.

*) Онъ преподавалъ Русскую Словесность безъ всякаго обязательства, добровольно.

— Сердце сердцу, разумѣется, вѣсть даетъ; привязанность вызывается привязанностью, охота порождаетъ охоту! — Справедливость требуетъ, однако, сказать, что Министръ Графъ *Уваровъ*, самъ питая живѣйшее сочувствіе къ важному государственному дѣлу, о коемъ идетъ рѣчь, сильно содѣйствовалъ достиженію общей цѣли и неудержимо увлекалъ поборниковъ онаго своимъ неуклоннымъ направленіемъ. Посѣщая Остзейскій край, что случалось нерѣдко, Графъ каждый разъ оставался въ Дерптѣ по недѣлѣ и болѣе, съ утра до вечера присутствовалъ при различныхъ русскихъ урокахъ, самъ экзаменовалъ по цѣлымъ часамъ, предлагалъ задачи, заставлялъ переводить въ мужскихъ и женскихъ заведеніяхъ, въ первыхъ съ Русскаго на нѣмецкій, греческій, латинскій языки, во вторыхъ съ французскаго на русскій и обратно; поощрялъ, хвалилъ, а гдѣ оказывалось нужнымъ, порой кстати и порицалъ, приправляя настойчивость свойственной ему изящной, истинно аттической любезностью, подавшей поводъ одной высокой по положенію своему особѣ называть его иногда въ письмахъ и запискахъ къ нему „*aimable lumière*“..... Тогдашнимъ превосходнымъ составомъ русскихъ учителей Дерптскій Округъ обязанъ былъ, прибавимъ мимоходомъ, преимущественно существованію Главнаго Педагогическаго Института, откуда правительство могло размѣщать лучшихъ студентовъ окончившихъ курсъ, по усмотрѣнію, — куда признавало нужнымъ, потому что они принимались въ заведеніе съ условіемъ обязательной службы на нѣсколько лѣтъ. Въ настоящую же пору этотъ обильный источникъ способныхъ и уже достаточно опытныхъ наставниковъ: ибо они должны были упражняться въ преподаваніи по два-по три года въ низшихъ классахъ Института, — источникъ,

доставившій столько хорошихъ учителей и сдѣлавшійся сколько-нибудь прочнымъ основаніемъ у насъ педагогической системы съ ея примѣненіями, къ крайнему сожалѣнію, окончательно изсякъ, и приходится вызывать сюда желающихъ изъ-внутри Россіи, а такихъ чрезвычайно затруднительно находить, и не удивительно! — причина очень простая: именно та, что людямъ, оттуда, гдѣ все имъ близко и родственно, гдѣ они пользуются, кромѣ побочныхъ доходовъ, еще содержаніемъ высшимъ сравнительно со здѣшнимъ, не было-бы ни съ чѣмъ сообразно мѣнять явно лучшее на явно худшее, когда, къ тому-жъ, рубль серебромъ имѣеть здѣсь нынѣ почти ту-же цѣнность, какую имѣлъ во время оно рубль ассигнаціями, а дороговизна, соотвѣтственно, поднялась противъ прежняго слишкомъ вдвое!.... Конечно, рѣдко кто рѣшается, очертя голову, себѣ въ-накладъ, переселяться въ страну совершенно незнакомую, притомъ иноплеменную, о которой ходитъ разнорѣчивая, вообще неблагопріятная молва! Можно бы желать, пожалуй, подобнаго геройскаго самоотверженія и пренебреженія собственныхъ самыхъ существенныхъ выгодъ хоть отъ каждаго, но требовать чего-либо геройскаго нельзя рѣшительно ни отъ кого.

Что касается Ал. Петр. — то онъ не зналъ себѣ покоя, увеличивъ въ Уѣздномъ училищѣ количество своихъ уроковъ, сверхъ опредѣленныхъ уставомъ; въ свободные же отъ служебныхъ занятій часы собиралъ воспитанниковъ у себя на дому*), руководствовалъ ихъ лично въ переводахъ и сочиненіяхъ, давалъ затверживать стихотворенія,

*) Лѣтъ пятнадцать сряду обучалъ онъ по восьми и даже десяти часовъ въ день, изъ коихъ четыре обыкновенно посвящалъ неимущимъ, безплатно. Такія усиленные занятія имѣли самое вредное вліяніе на здоровье, которое Ал. Петр. впоследствии едва могъ возстановить.

обороты и выраженія рѣдко употребляемые, или сложные; повторялъ какъ можно чаще уже пройденное и всё безвозмездно. Трогательной наградой такихъ беззавѣтныхъ стараній былъ подарокъ, при благодарственномъ письмѣ, поднесенный учениками любимому наставнику по случаю перемѣщенія его въ Гимназію и состоявшій изъ цѣльнаго золотого перстня, съ довольно цѣннымъ агатомъ, заказаннаго бѣдными мальчиками на грошевыя средства. Эту сердечную награду онъ ставилъ выше другихъ, носилъ перстень съ нѣкоторой гордостью и завѣщалъ не снимать съ руки.... Немогузнаекъ изъ пользовавшихся у него преподаваніемъ не встрѣчалось: — масса доводилась до строго-отчетливаго уровня и болѣе половины ея переходило далеко за предназначенную постановленіями черту. Если, при испытаніяхъ въ высшихъ здѣшнихъ заведеніяхъ и даже на ученые степени, въ Дерптскомъ Университетѣ, попадались замѣчательно свѣдущіе въ Русскомъ языкѣ молодые люди, — экзаменаторы обыкновенно спрашивали: не обучались-ли они когда-либо у Але. Петр. Розберга? — и отвѣтъ, по болѣе части, оказывался утвердительнымъ. Графъ С. С. Уваровъ отличалъ этого учителя за ясность, точность и быстрые успѣхи его преподаванія; въ каждый свой пріѣздъ сюда посѣщалъ часто его уроки и, разъ, при выходѣ изъ класса, сказалъ, пожавъ ему руку: — жаль, что ученье Ваше продолжается только одинъ часъ, а то я съ удовольствіемъ остался бы хоть на цѣлые три. Такое же почетное вниманіе оказывали даровитому педагогу: князь Г. П. Волконскій, князь П. А. Вяземскій и бывшій Министръ Народнаго Просвѣщенія А. С. Норовъ. Безъ преувеличенія, сряду въ теченіе болѣе нежели двадцати-пяти лѣтъ Алек. Петр. является во

всемъ Остзейскомъ краѣ едва-ли не лучшимъ наставникомъ по части Русскаго языка для низшихъ и среднихъ классовъ Гимназій. Ссылаемся на всѣхъ учившихся у него, на всѣхъ кто видалъ какъ онъ училъ!

Съ цѣлю распространить объемъ его дѣятельности въ подобномъ смыслѣ, начальство предоставило ему мѣсто Инспектора Гимназій въ Ригѣ, гдѣ онъ провелъ слишкомъ два года и гдѣ его пребываніе не осталось безъ слѣдовъ полезнаго вліянія; семейныя отношенія заставили его, однакожь, противъ воли, и не смотря на настойчивое желаніе Попечителя, перейти снова въ Дерптъ, чтобы занять соотвѣтственную оставленной должности въ здѣшнемъ Ветеринарномъ Институтѣ. Тутъ онъ еще довольно долго казался бодрымъ; иногда обнаруживалось еще въ немъ обыкновенное незлобиво-ироническое настроеніе; но года тому назадъ за четыре или болѣе сталъ онъ по временамъ скучать: имъ мало-по-малу начала овладѣвать тоска по родинѣ. Запутанный въ перазрѣшимыя противорѣчія со всѣмъ окружающимъ и съ самимъ собою, онъ хотѣлъ, какъ-бы то ни было, вырваться изъ этого заколдованнаго круга; его задушевные чаянія обратились къ Бѣлокаменной, гдѣ протекло безмятежно его дѣтство, гдѣ, подъ ея небомъ, свѣтились для него лѣта ранней юности. Онъ мечталъ туда переселиться и слить пасмурный закатъ своихъ дней съ ихъ яснымъ разсвѣтомъ; но препятствія, зависѣвшія отъ непреодолимо сложившихся обстоятельствъ, воздвигались безвыходно-глухой стѣной и мечты смѣнялись только обольстительными мечтами..... Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до развитія недуга, въ посланіи къ *И. Д. Б-ву*, онъ повторялъ:

«Увидишь ты Москву святую, —

«*Ивану* низко поклонись;

«Повѣдай, какъ я здѣсь тоскую,

«И за меня тамъ помолись!

Когда-же убѣжденіе, что надежда на перемену положенія несомнѣнно и невозвратно исчезла, — его болѣзненное уныніе усилилось. Для отчетливаго объясненія такого печальнаго оборота мыслей, слѣдуетъ указать на отношенія, послужившія ему вѣроятнымъ условіемъ и коснуться одной изъ ихъ подробностей. Питая глубокое уваженіе къ добросовѣстности, прилежанію, основательной учености нѣмцевъ, — свойствамъ, представлявшимся ему здѣсь, хотя съ провинціальными оттѣнками; цѣня высоко всесторонность и зрѣлость многовѣковой Германской образованности; признавая безмѣрную разницу всего этого въ сравненіи съ нашими, сбитыми съ толку, начиная отъ Петра 1го до Елисаветы, — голландско-нѣмецкимъ, а потѣмъ, отъ Елисаветы до сихъ поръ, — французско-мишурнымъ маскарадомъ, — Алек. Петр., проникнутый насквозь, до предубѣжденія, Русскимъ духомъ, выросшій и развившійся умственно въ Москвѣ, тогда еще, такъ сказать, полу-патріархальной, — гдѣ на всѣхъ иностранцевъ, кромѣ, конечно, выходцевъ *великой націи*, смотрѣли косо; гдѣ большинство нѣмцевъ составляли ремесленники, или записные поклонники пива, за-частую хмельные педагоги; гдѣ, — далѣе, даже Нѣмецкій клубъ, очень хорошее учрежденіе, назывался Шустеръ-клубомъ; гдѣ, на театральныхъ представленіяхъ, Нѣмецъ, съ легкой руки Фонвизинскаго Вральмана, сдѣлался какимъ-то типомъ забавнаго шута, такъ, что если на сценѣ появлялась фигура въ нанковомъ нижнемъ платьѣ, въ бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ, зимой; въ травяно-зеленомъ фракѣ, въ жилетѣ съ красными разводами по желто-лимонному фону, въ

рыжемъ, шершаво взъерошенномъ, мѣстами напудренномъ парикѣ, особенно, если подъ этой фигурой скрывался гениальный, въ своемъ родѣ, Живокинъ^{*)}), — тотчасъ въ партерѣ слышался веселый смѣхъ и жужжалъ шепотъ: — вотъ Нѣмецъ!.... Каковъ!?!.... Понятно, что подобныя и другія, въ томъ же видѣ, неизгладимыя впечатлѣнія отрочества и первой молодости, при полномъ незнаніи Нѣмецкаго языка (А. П. выучился ему уже въ Дерптѣ), — при долгомъ незнакомствѣ съ богатствами германской литературы, — хотя и не превратились въ закоснѣлую точку зрѣнія, не утвердились опредѣленнымъ взглядомъ или настроеніемъ мыслей и разсѣялись вслѣдствіе личныхъ наблюденій, отъ пребыванія въ Остзейскомъ краѣ, при кипучей дѣятельности по должностямъ преподавателя; но когда такая дѣятельность убавилась на двѣ трети, — эти затертыя ею, чисто отрицательныя ощущенія непрестанно повторявшіяся отъ колыбели до двадцати одного года, опять выступили наружу довольно рѣзко и начали отзываться въ родѣ какого-то нравственнаго гнѣта все громче и внятнѣе. Съ нѣмецкой-же стихіей, съ нѣмецкимъ бытомъ и формализмомъ, столь, подчасъ, нужнымъ, безъ малѣйшаго, впрочемъ, оттѣнка непріязни, либо вражды, единственно по совершенной къ тому непривычкѣ, онъ, какъ масло съ водой, не только не могъ сродниться, но и сойдтись ближе, а потому чувствовалъ себя въ подобной средѣ какимъ-то одинокимъ пришельцемъ, впадалъ въ уныніе, томился, мало-по-малу пересталъ принимать участіе въ сношеніяхъ общественныхъ, тщательно избѣгая развлеченій, погружаясь болѣе и болѣе въ глубокую задумчивость;

*) Известный актеръ.

даже рѣдко прохаживался, и то лишь во время поздней вечерней темноты. Все около него, казалось, гасло и померкало,.... словно сгущалась какая-то зловѣщая, нѣмая ночь, дѣйствовавшая гибельно на расположеніе духа, расположеніе, вѣроятно въ значительной мѣрѣ вызвавшее и полное разстройство здоровья, положительную болѣзнь, противъ коей сложеніе больного побѣдоносно боролось уже два раза; въ третій свой приступъ, однако, не смотря на старанія искуснаго врача, недугъ одолѣлъ крѣпкую природу, употреблявшую на оборону уже скудный остатокъ своихъ силъ. Иногда просвѣчивалъ блѣдный лучъ упованія, и въ такія мгновенія облегченія Ал. Петр., когда отправлялось богослуженіе въ здѣшней православной церкви, приказывалъ отворять форточку окна своей комнаты, чтобы отчетливѣе слышать благовѣсть, хотя нѣсколько напоминавшій ему торжественный звонъ Москвы; но это были только рѣдкіе промежутки отдыха: — припадки стали возобновляться чаще, усложнялись, длились упорнѣе прежняго.... и 24го Мая страдалецъ успокоился на-вѣки. Онъ угасть, сердечно оплаканный слезами тѣхъ, кто коротко зналъ прямоту его души и неизмѣнное благородство наклонностей.

Да будетъ-же она легка надъ его прахомъ, эта чуждая ему Ливонская земля, по которой Александръ Петровичъ Розбергъ, усталый отъ бремени слишкомъ тридцатилѣтнихъ, часто изнурительныхъ трудовъ, отшельникомъ прошелъ грустный конецъ своего жизненнаго пути!

М. Р.